

ИЗ ОГНЕННОЙ РЕКИ

Нас жддут новые открытия Артема ВЕСЕЛОГО

Беседа с дочерью А. Веселого

Гайрой Артемовной и Зайрой Артемовной

Среди удивительных художников слова, вновь возвращаемых нынче в строй нашей литературы, несомненно надо назвать имя Артема Веселого. Наверное, внимательные читатели запомнили, что тридцать лет назад вышел однотомник его произведений. Но то возвращение писателя не было столь сенсационным, как, допустим, явление булгаковского «Мастера и Маргариты»: тогда Артема Веселого издали — как вроде дань отдала. Тираж книги был небольшим; автор — для критиков, исследователей — непривычным. И как убеждаешься в разговорах даже с весьма начитанными людьми, произведений Артема Веселого они так и не успели прочитать. А у этого писателя, как и у Булгакова, Платонова, Замiatина, Ремизова (они все — его современники), есть своя тайна обаяния.

Попытаемся сегодня хотя бы наметить о ней читателям. Познавать ее — это значит прочитать не только знаменитые в свое время романы «Россия, кровью умытая» или «Гуляй Волга», рассказы и очерки, но еще провести изыскания, вернуть, изучить все наследие писателя. Однако это, право же, не так просто. Но поиски уже идут. А это значит, что нас все-таки ждет подлинное открытие Артема Веселого.

Сейчас же скажем одно. Великая русская река Волга сыграла решающую роль в его творчестве. Но не как географическое место, где он родился, вырос и вошел в «большую жизнь». Волга постоянно питала его стиль своей неповторимой красотой и удалью.

Но вернемся к самому писателю.

Вот краткие факты его биографии. Артем Веселый (Кочуров Николай Иванович) родился в 1899 году в Самаре в семье волжского крестьянина. Работал чернорабочим, писарем. Член партии большевиков с марта 1917 года. Писать начал с 1920 года. Арестован 28 октября 1937 года (после публикации в «Комсомольской правде» рецензии «Классическая книга. О романе А. Веселого «Россия, кровью умытая»). 7 марта 1956 года реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР.

31 марта 1956 года была создана комиссия по литературному наследию Артема Веселого, куда входила и одна из его дочерей Зайра Артемовна Веселая. Комиссии мало что удалось сделать, чтобы вернуть писателю достойное место в нашей литературе. Только в минувшем году, после новых десятилетий «забвения», вновь вышел его роман «Россия, кровью умытая» (в издательстве «Правда»). И, наконец, тогда же семья А. Веселого получила обязательное уведомление от Военной коллегии Верховного суда СССР о трагической судьбе родного человека. Ровно пятьдесят лет понадобилось, чтобы открылась правда.

Ниже мы публикуем факты, страницы автобиографии и часть из неопубликованного наследия писателя.

— Каким человеком был ваш отец?

З. А.: Я помню смутно. Мне было девять лет, когда отца арестовали. Его хорошо помнит Гайра.

Г. А.: У него были большие карие глаза, добрые и доверчивые. В житейском плане он был непритязательным. Да это и понятно, если вспомнить его биографию. Своему большому другу, писателю и драматургу Анатолию Глебову, и его жене он однажды сказал: «Ребята, с сегодняшнего дня начинаю новую жизнь. Буду резать правду-матку в глаза и каждому. Надоело, понимаешь, врать. Все время, время. На каждом шагу вранье. Жмешь кому-нибудь руку, а сам знаешь, что он враг, подлец. И все-таки жмешь! Ему бы плюнуть в его мерзопакостную рожу, а ты улыбаешься! Надоело».

— Какие книги читал ваш отец?

З. А.: Вся жизнь он увлекался Гринем и даже под его влиянием решил стать моряком. Он был матросом на Черноморском военном флоте и в ту пору написал повесть «Реки огненные». Во время работы над повестью он обращался за советом к Всеволоду Вишневскому.

Г. А.: Он любил рассказывать о том, как ему шла морская форма. Служба на флоте была самой лучшей и радостной порой его жизни. Может быть, это было связано с тем, что он очень любил Волгу. Не случайно свою младшую дочь он даже назвал Волгой...

— Кто из литераторов-современников оказал на него самое большое влияние?

З. А.: Несомненно, Маяковский. Однажды, это было зимой 1925 года на квартире поэта

Крученых, Маяковский читал главы из своей еще не оконченной поэмы «Владимир Ильич Ленин». Когда Маяковский прочел: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше», отец не выдержал и закричал: «Стоп. Повтори!» Маяковский не любил, когда его перебивали. Но на этот раз остановился и повторил. Отец ринулся к Маяковскому, схватил его голову и поцеловал.

— Чем Артем Веселый мог вызвать гнев Сталина?

Г. А.: Абсолютно точно на этот вопрос вам никто не ответит. Но я думаю, что это было вызвано тем, что отца очень расстроило решение о выселении «чернодосочных районов». Он ходил в ЦК, возражая там против выселения колхозников, просил послать его секретарем «чернодосочного района», чтобы доказать, что дело не в плохих колхозниках, а в плохом руководстве.

— Как часто он ездил на Волгу?

З. А.: Почти каждый год. И всегда брал нас с собой. Мы ночевали на плотах, на песчаной косе, слушали разные частушки и песни плотовщиков и бакенщиков. Отец их записывал. Ловили бреднем рыбу, варили уху...

— Как сложилась ваша жизнь после ареста отца?

Г. А.: Вначале нас не трогали, потом началась война.

А в 1949 году нас арестовали как детей «врага народа». Помню, больно было до слез, потому что это случилось в день рождения В. И. Ленина — 22 апреля. Нас отправили на Лубянку, а потом в ссылку — под Караганду. В 1953 году после смерти Сталина нас амнистировали...

АВТОБИОГРАФИЯ

1927 г.

Родился в Самаре в сентябре 1899 г. в семье волжского крестьянина.

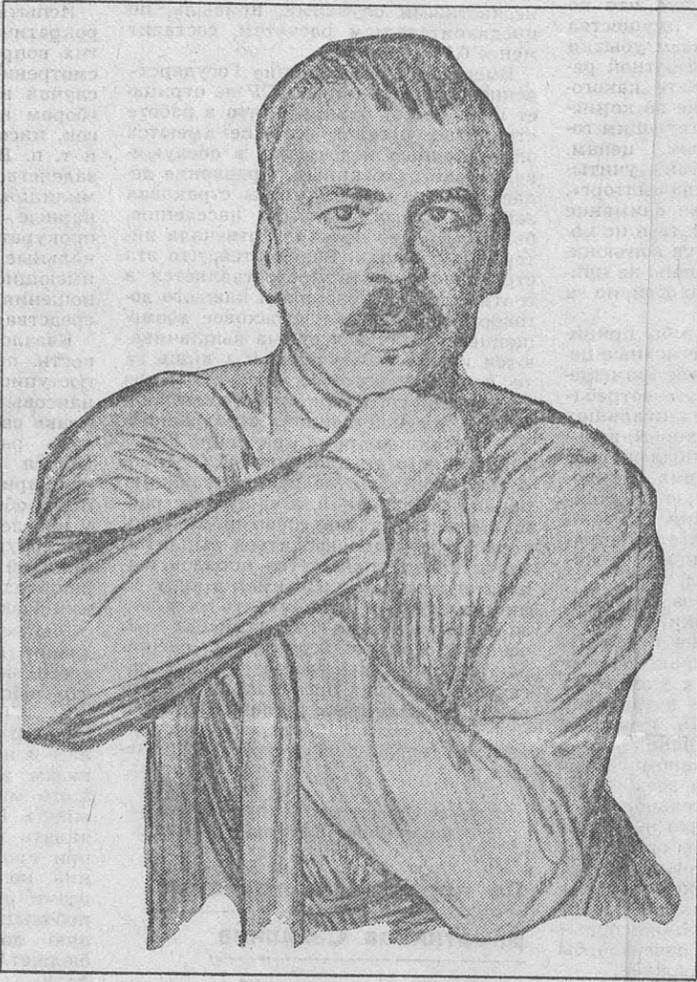
До революции учился, работал на заводе, служил переписчиком, мальчиком на побегушках, был и лодочным извозчиком.

В марте 1917 года вступил в большевистскую партию. Вел партийную и газетную работу как рядовой боец Красной гвардии и армии два года, был на фронте.

Писать начал рано, потому что «поперло». Первая повесть утеряна на фронте. Первая пьеса «Разрыв-трава», принятая к печати в 1919 году ТОО Наркомпроса, утеряна...

Драма «Мы» напечатана в «Красной нови» № 3 за 1922 год. Вскоре в том же журнале напечатан первый рассказ «В деревне на масленице». В «Молодой гвардии» № 1 за 1923 год напечатаны «Реки огненные». В «Красной нови» 1924 г. № 1 — «Дикое сердце». В 1926 году первым и вторым изданием — «Страна родная». В «Лесе» № 45 — «Вольница», № 3 — «Масленица».

«Страна родная» — «Недра», 1926, 1 и 2-е изд. «Реки огненные» — «Молодая гвардия» и «Огонек» — 1924, 1925 гг. «Горькая кровь» — «Севкавкнига», 1926 г. «Дикое сердце» — «ЗИФ», 1926 г. «Огонек», 1927 г. «Филькина карьера» — «Молодая гвардия», 1926 г. «Бешеный комиссар» — «Недра», 1927 г.

Артем ВЕСЕЛЫЙ

«Волга». Путевые заметки

Спелое солнце

«ВОЛГА-матушка, Волга-кормилица» — так издавна окрестил русский народ свою великую реку.

С Волгой в памяти страны связано многое.

Понизовье с его лиманами и протоками истари являлось гнездом воли и отваги. Сюда со всей страны стекался бесправный и обездоленный люд. Здесь голытьба дуванила купеческое добро и на костях царевых слуг под звон чарки лихо отхвывала комаринского и гопака.

Порабощенные народы — татары, чуваша, мордва, калмыки в содружестве с русскими «смердами» — не раз подымали восстания против своих угнетателей.

В XVII и XVIII столетиях Волга сотрясалась от ударов топоров и копий поднявшихся народов, предводительствуемых Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым.

Слава об этих вождях крестьянского гнева и до сих пор жива в народных сказаниях и песнях.

Лишь Октябрьская революция принесла всем народам, населяющим Волгу, полное освобождение и объединила их в одну братскую семью.

Исключительно ярко проходила в Поволжье гражданская война. Достаточно вспомнить Самару, Казань, защиту Царицына.

На Волге зарождалось русское пароходство, на слезах и крови народа росли купеческие капиталы. В богатом лесах и зверье возникли многие и славные кустарные промыслы, пользующиеся и поныне мировой известностью.

Волга подарила стране сотни и тысячи выдающихся ученых, писателей, художников, изобретателей, политических деятелей. Достаточно назвать хотя бы имена Радищева, Чернышевского, Гончарова, историка Карамзина, знаменитого математика Лобачевского, крупнейшего изобретателя-самоучку Кулибина, Бакунина, Аксакова, Добролюбова, Державина, артиста Волкова, создавшего в Ярославле первый русский театр, ново-крестьянских поэтов предреволюционной эпохи — Дрожжина, Нечаева, Сурикова. Немало донные здравствующих писателей, музыкантов, архитекторов дали города Поволжья. Волга с ее красочным бытом, песнями и борьбой в значительной степени питала творчество Некрасова, Короленко, Максима Горького, Неверова, Мельникова-Печерского и многих многих других... И среди всех этих имен первое место принадлежит гению человечества — Владимиру Ильичу Ленину: на Волге он родился, а на Волге провел детство, на Волге зрели его замечательные идеи и мечты, которые ныне уже в значительной мере превратились в действительность.

ПО РАЗДОЛЬЮ волжскому плывет весна. Ведут перестрелку первые грозы, порывают первые майские громы, первыми теплыми радостными дождями умываются бескрайние поля и синие заволжские леса.

По косогорам — на фоне летящих облаков — разбежались, трепеща сказанным крылом, легкие березы. Дремотно гудят медноствольные сосны. Дружным строем уплывают назад ели, светло-зеленые, темно-зеленые, просто зеленые, седые с морозом, зеленые, сизые с дымом. Вот где поистине пиршество для глаза художника.

Звенит топор лесоруба. Берега полны оживления, голосов, бодрого труда.

Ничком и навзничь, переплетаясь ветвями, в полном беспорядке, точно на поле битвы, лежат порубанные сосны.

Туши уже освобожденных от сучьев сосен с яру по деревянному желобу устремляются на берег, где их ловят баграми плотовщики, ка-

тят к самой воде и вяжут еловыми крутями.

Из всех щелей — весны соченье. Вода прибывает.

На берегу с утра до ночи толкуются люди бригады Ведерникова, торопясь закончить вязку плотов вовремя.

Сине дымятся поля.

По деревьям задорно горланят петухи.

Станицы журавлей и гусей — курлыча, гогоча — тянут на дальний север.

Весна, улыбаясь, выезжает на мощно гудящем тракторе в колхозное поле.

По-весеннему остры и звонки голоса девок и молодых, что, распутив красное знамя, уже потянулись следом за трактором на полевой стан.

Поет ветер, кроя Волгу свинцовой рябью.

А вода все прибывает и прибывает.

Ветер гнет кусты. Кряхтит, склонившись низко над быстриною, седая горбатая ветла.

Вода, играючи, уже обтекает прибрежную деревню — древние избы в страхе пятятся на пригорок, а иные стоят по пояс в реке, точно собираясь плыть.

С крутояра, задремав последней смертной дрожью, медленно валится и, ухнув, погружает в мутные воды седую главу свою тысячелетний дуб... С крутояра сыплется комья глины, камни; врუსся последние артерии корней...

Подхваченный быстрым течением богатырь безвольно стремится вниз по реке... И долго будет кружить его на водоворотах, хлестать волною на перекатах, гнать ветром на широких плесах; полным живого любопытства взглядом будет следить за ним с берега босоногий мальчуган. Наконец, исполина прижмет к берегу. Вода мало-помалу спадет, придут колхозники с топорами и пилами и рассекут его на дрова.

Навстречу бежит пароход. Точно сердце здорового человека, ровным стуком — без перебоев и всхлипов — стучит в утробе парохода машина. На корме пликает гармошка, заглушая гнусавый голос патефона, что доносится откуда-то из каюты.

Над пароходом вьются чайки.

Навстречу плывут темные леса, ярко зеленеющие берега, бакана, землянки баканчиков, караваны нефтяных барж, законченные кирпичные корпуса фабрик, ползатоленные черные деревеньки и кое-где уцелевшие купола старинных церквей — иные из них были свидетелями набега багряевой орды, — шумные таборы галок толкуются над потускневшими от времени церковными крестами.

В архитектуре старинных церквей, в орнаменте росписи карнизов и оконных наличников, в некоторых предметах домашнего обихода и в лучших образцах современной выделываемой в деревнях детской игрушки без труда можно различить влияние византийской, романской и восточной культуры, пришедших на Русскую равнину в стародавние времена. Недаром Верхнее Поволжье считается колыбелью целого ряда архитектурных и живописных школ, так называемого окско-волжского искусства.

Наша великая эпоха сделала искусство достоянием народа.

В многочисленных художественных и кустарных школах и техникумах промысловой кооперации ныне обучаются тысячи способных и талантливых юношей и девушек, овладевающих секретами старых мастеров и создающих новые формы.

Вечером проплыл Нижний Новгород (г. Горький). Выставив поросшую седым мохом каменную грудь кремля, город отражался в закатных водах Волги всеми башнями своими, церквами, домами корпусами новых заводов.

У пристаней жизнь была ключом.

Сотни больших и маленьких пароходов, ка-

теров, моторных и рыбацких лодок по всем направлениям бороздили плес.

Тремели лебедки, разгружая и нагружая трупы. Уходит в прошлое «Дубинушка». За последние годы большинство трудовых процессов уже механизировано.

ПИРУЕТ утро, солнце на Волге бьет крылом. Мир и тишина почивают в прибрежных лесах, безгневны и светлы речи птиц.

Весна...

В прибрежных кустах дымит рыбацкий костер.

На песчаную косу рыбацья ватага со стонущим напевом тянет невод. В ячейках сетки блестит серебряной броней рыба.

К полудню забирючили.

Грозвыми тучами затянуло все небо, крутою волною закипела Волга.

Парус полон свежим ветром, лодка дрожит в беге...

Рывкнул гром... Во все небо польхнул расчерк молнии.

Пора.

Круто ворочу рулевое весло, и через минуту лодка врзается носом в прибрежный песок.

Торопимся ставить брезентовую палатку, чтоб уберечь от дождя порох, сахар, сухари, крупу.

По брезенту защелкала первые крупные капли дождя. Хлынул — теплый да благодатный... Волга — в седом дыму...

Тише, тише и — смолк. Последние капли, точно порох, торопливо прошумели по листьям прибрежных дубов и тополей.

Разорвав растрепанную тучку, снова блеснуло точно умытое дождем солнце.

Совсем рядом — село...

В садах, на зеленых еще вишнях горят, переливаясь, горячие искры.

Отряхивается от дождевых капель береза и, смеясь, раскрывает солнцу свои объятия.

Поплыли.

Над лодкой кружат чайки. Под несмолкаемый плеск их крыльев хорошо мечтается, дышится, поется.

...С верховьев Волги и Камы, с далекой Вятки и тихой Ветлуги, с угрюмого Керженца, Унжи и Чусовой, с зеленых просторов Оки и дремучей Суры — бегут плоты.

Горячий денек, спелое солнце.

Вылинявшие на солнце цветные рубашки пузыряем вздуваются на мочуных торсах плотовщиков, по водной глади далеко несется стонущий напев «Дубинушки» да зычный покрик лодмана:

— Эге-ге-ге... Выбирай правый лот.

В голове плота — у тяжелого ворота — неспешно, как медведи, покачиваются плотовщики. Под их железными руками жалобно скрипит дерево. Из воды, подобно удаву, ползет толстая шейма (пеньковский канат).

По вышке покачивается селобородый богатырский вида лодман. Он бос, без шапки, ворот рубахи расстегнут — во всей фигуре старого волгара сквозит удаль и гордое сознание своей силы и непоколебимого здоровья.

— Эге-ге-ге-е... Замораживай... — Плот, занося левое плечо, лихо огибает песчаную отмель, затем, выбравшись на стремя реки, выравнивается и устремляется к синему неведальке Жигулям.

Жигули взлетают над Волгой под самые облака.

Здесь каждая гора овейна дымкой легенды о стародавних временах, когда в этих лесах гуляла волжская волиница.

Сегодня здесь зарождаются и воплощаются в жизнь новые легенды, легенды Большой Волги...

1935 г.

Публикацию подготовил М. ГОЛЬДЕНБЕРГ.